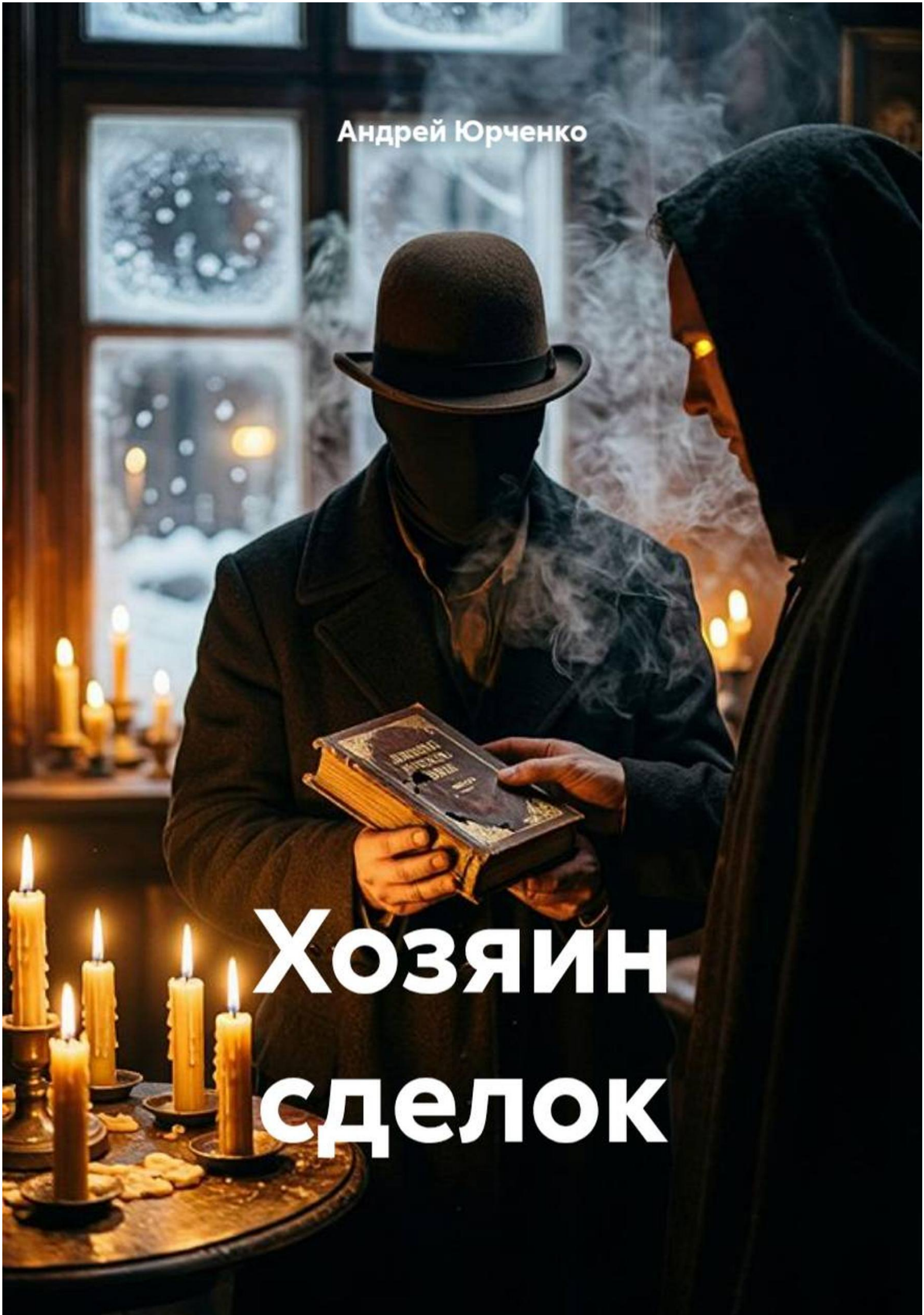

Андрей Юрченко

Хозяин сделок

Андрей Юрченко

Хозяин сделок

«Автор»
2026

Юрченко А.

Хозяин сделок / А. Юрченко — «Автор», 2026

Москва, снег и трактирный сумрак. Август заключает сделку с человеком в котелке: три желания, тысяча чужих судеб, расплата — самой дорогой любовью. Время петляет, свечи горят, дым и золото, тени тихо шепчут условия. Тёмная сказка о роковой цене желаний, потерянном счастье и новом хозяине сделок.

© Юрченко А., 2026
© Автор, 2026

Хозяин сделок

Хозяин сделок
Оглавление
Часть I. Детство и юность
· Глава 1. Первый снег
· Глава 2. Самарское детство
· Глава 3. Встреча на Бронной
· Глава 4. Юлия и Май
· Глава 5. Чахотка
Часть II. Человек в котелке
· Глава 6. Трактир
· Глава 7. Видение
Часть III. Первое желание
· Глава 8. Воланчик
· Глава 9. Борьба с невидимым врагом
· Глава 10. Последние слова
Часть IV. Второе желание
· Глава 11. Возвращение в трактир
· Глава 12. Второй шанс
· Глава 13. Профилактика
· Глава 14. Дремавший враг
Часть V. Третье желание. 1885
· Глава 15. Последняя попытка
· Глава 16. Корень зла
· Глава 17. Август, врач
· Глава 18. Победа
Часть VI. Расплата
· Глава 19. Август
· Глава 20. Котелок
· Глава 21. Почин
· Глава 22. Первая сделка

Часть I. Детство и юность

Глава 1. Первый снег

Стоял холодный ненастный день — из тех, когда небо висит над городом серым войлоком, а воздух пахнет мокрым сукном и каменным углём. Маленький Август — белокурый мальчик с острыми чертами лица и большими голубовато-серыми глазами, в которых уже тогда пряталась какая-то взрослая, внимательная печаль, — играл в игрушки на тёплом, очень пушистом персидском ковре перед камином.

Его отец, Карл Христофорович, высокий статный мужчина с лохматыми бакенбардами — они топорщились в стороны, как две небольшие рыжие метёлки, — и не по возрасту глубокими залысинами, только что вернулся со службы. Он был статским советником его величества — чином 4 класса по Табели о рангах, соответствовавшим должности вице-губернатора или вице-директора департамента. Днями и ночами он пропадал на службе и дома появлялся редко, в передышках между делами, — и всякий раз, входя, приносил с собой запах мороза, табака и какой-то неуловимой казённой тревоги.

Время было сложное: эсеры, анархисты и прочие радикалы проводили постоянные политические акции и то и дело устраивали покушения — то на какого-нибудь генерала, то на

губернатора и иногда даже успешно. Политический террор в Российской империи к концу XIX века стал почти обыденностью: после убийства Александра II и разгрома «Народной воли» революционное подполье не исчезло, а лишь сменило формы, и на смену народовольцам пришли новые поколения радикалов — молодых, злых, готовых умереть и убить за свои идеалы.

Карл старался всё это предотвратить, поэтому не очень много времени проводил с единственным сыном и молодой женой Мартой — хрупкой миниатюрной женщиной среднего роста, с очень белой и гладкой кожей, словно фарфоровой, и огромными карими глазами с пушистыми ресницами, которые она всякий раз опускала, когда муж начинал говорить о службе. Служба Отечеству, о которой он мечтал с детства, была у него на первом месте.

В этот день он, как обычно, вернулся со службы без настроения: они вычислили одну из ячеек анархистов, но кто-то предупредил их, и к приходу жандармов все успели скрыться — словно растворились в воздухе, оставив только окурки и запах пота и грязных ног.

Август играл — и пока этот трёхлетний мальчуган даже не имел представления о том, что происходит в этом мире. Весь его мир сводился к игрушкам и любимой маме, которая его оберегала и заботилась о нём, — к её тёплым рукам, к её тихому голосу, к тому, как она пахла лавандой и свежим хлебом.

Ближе к ночи пошёл первый снег — пушистый, с большими хлопьями, и мир снаружи становился похожим на сказку, на огромный взбитый белок или на чьё-то нечаянное чудо. Август сидел с мамой — а точнее, у неё на коленях, — и они наслаждались этой зимней сказкой за окном молча.

Карл Христофорович попросил служанку Дарью накрыть поздний ужин и, сидя за столом, рассказывал смотревшей в зимнее окно молодой супруге о своей службе и её злоключениях.

Марта слушала вполуха: всё это было далеко от неё — как далёкая гроза за горизонтом, которую видно, но не слышно. Она больше думала о комфорте маленького Августа, чем о том ужасе, что происходил во внешнем мире.

Карл поел, закрыл тяжёлыми шторами окна в квартире — так, чтобы ни один чужой глаз не заглянул в их тёплый мирок, — и попросил Марту уложить сына спать и присоединиться к нему в спальне.

Марта уложила сына и, немного задержавшись у его кроватки — поправляя одеяло, поцеловав его в тёплый лоб, — отметив, что возможно Август мог простыть, а уже после присоединилась к мужу. Он обнял её очень нежно, будто боялся, что она вот-вот растворится в воздухе, как дымка, и произнёс:

— Милая, я люблю тебя и сына больше всего на свете.

Она подняла глаза — в них отразилось пламя свечи, горевшей на столе, — и спросила:

— Что случилось, дорогой?

Он посмотрел на неё и сказал:

— Я боюсь, что ячейки террористов, которые орудуют в городе, могут вычислить адрес и причинить вам зло.

Марта положила голову ему на плечо — так, что её пушистые ресницы щекотали его шею, — и нежно произнесла:

— Не бойся, всё будет хорошо.

Как только она это сказала, послышались грохот, лязг посуды и топот сапог по паркету — тяжёлый, чужой, неумолимый. Карл обнял жену ещё крепче и сказал:

— Беги к сыну и прячьтесь куда-нибудь — в шкаф или под кровать. И ни звука. Слышишь, ни звука, — повторил он.

Он знал что это пришли за ним и других они не тронут, но марту с сыном он пощитал что надо спрятать от греха подальше.

Она метнулась в спальню к сыну — босиком, по холодному паркету, не чувствуя холода. По пути встретила горничную Дарью, которая, подталкивая её за спину — грубо и торопливо, — провела к сыну, а позже вывела их через заднюю дверь на террасу, на улицу, и спрятала за большим цветочным горшком с огромной зелёной туей — та пахла хвоей и снегом, и этот запах Марта запомнила на всю жизнь.

Сама горничная побежала обратно, задёрнула тяжелую штору и придвинула туда журнальный столик — тяжёлый, на гнутых ножках, — закрыв место побега Марты и маленького Августа. Она спряталась за дверь и, стараясь не издавать ни звука, крестилась в темноте, бормоча себе под нос какую-то молитву.

Сапоги — по звуку их было не меньше десяти — сначала пробежали в одну комнату, потом в другую, потом послышался выстрел — короткий, сухой, как хлопок, — затем громкий мат и ряд выстрелов, потом громкий удар по полу — и сапоги выбежали из квартиры, переворачивая, судя по звукам, всё вокруг: звенело стекло, трещало дерево, что-то катилось по паркету.

Как только всё стихло — тишина была такой густой, что звенело в ушах, — горничная открыла балкон и впустила Марту с ребёнком. Они были все в снегу — белые, как привидения, — и дрожали от холода. Марта тут же передала ребёнка горничной и побежала в спальню к мужу. Через секунду раздался душераздирающий крик — такой, что, казалось, стены вздрогнули.

Картина была страшной: Карл лежал на полу с пробитой головой и простреленной грудью — на ней виднелись три пулевых ранения, из которых сочилась кровь, тёмная, почти чёрная на белой рубашке. Марта сидела на полу перед ним и рыдала без слёз — только плечи тряслись, да рот открывался беззвучно, как у рыбы.

Утром дом наполнился жандармами и полицейскими — они ходили по квартире, как хозяева, заглядывали в шкафы, что-то записывали в блокноты. Они расспрашивали слуг и Марту, но это было без толку: все нападавшие были в масках, и слуги их лиц не видели — только сапоги, только голоса, только запах чужого пота и пороха.

Через несколько дней после похорон — серых, дождливых, с жидким снегом, — Марта собрала вещи ребёнка и уехала к себе на малую родину — в Самарскую губернию, в Самару. Там жили её родители и родители мужа; да она просто и не знала, куда ей податься, кроме Самары, — в этом огромном, холодном мире, где её муж лежал в холодной земле, а на руках у неё теперь одной был трёхлетний сын.

Глава 2. Самарское детство

Август рос подвижным и улыбчивым ребёнком — как и все дети, что вечно с разбитыми коленками и ссадинами на локтях, но с ясными, честными глазами. Он окончил школу и поступил в Самарское реальное училище имени императора Александра Благословенного — одно из лучших средних учебных заведений города, дававшее основательную подготовку по естественным и математическим предметам. Учился он прилежно, глотал знания, как сладкий пирог, — но мечтал не о карьере инженера или коммерсанта.

С детства он знал одно: он пойдёт по стопам отца. Чтобы отомстить. Эта мысль оформилась у него не сразу — сначала было просто смутное чувство несправедливости, детская обида на весь мир, отнявший у него отца, которого он почти не помнил. Потом, когда ему исполнилось двенадцать, мать показала ему старую фотографию: Карл Христофорович Калюжный в мундире, с орденами, с этими нелепыми рыжими бакенбардами — и лицо у него было усталое и доброе. Август смотрел на фотографию весь вечер, а ночью не мог уснуть. Он лежал в темноте и думал: кто-то убил этого человека, и этот кто-то, может быть, до сих пор жив, ходит по улицам, пьёт чай, смеётся, и ничто его не мучает. И тогда он решил: он найдёт их. Всех. И спросит с них по всей строгости.

Мать не одобряла этих мыслей — она вообще старалась не говорить о муже, и в доме было заведено правило: прошлое не ворошить. Но Август ворошил его втайне, по ночам, когда все спали.

После окончания реального училища, в 1901 году, Август поступил на юридический факультет Императорского Московского университета — и уже со второго курса начал добиваться перевода на службу в тайную канцелярию московского губернатора. Взяли его туда не сразу — пришлось ходить, просить, ждать в приёмных. Его взяли: в формулярном списке отметили, что он сын статского советника Карла Христофоровича Калюжного, погибшего при исполнении служебного долга в борьбе с революционным террором. Для молодого человека, только начинавшего путь, это была и честь, и тяжёлая ноша — как мундир, сшитый не по размеру, но который нужно носить с достоинством.

К тому времени, когда Август надел первый мундир, шёл 1901 год. Ячеек, подобных тем, что убили его отца, в империи стало не меньше, а больше: эсеры создали собственную Боевую организацию, анархисты гремели «экспроприациями», и полицейские сводки с каждой неделей становились всё мрачнее — как будто кто-то медленно, но верно закручивал пружину. Август знал это. И всё же шёл туда же, где погиб отец, — не из слепой верности памяти, а потому что не представлял себе иной жизни, кроме как служение России.

Первые месяцы службы он занимался в основном бумагами: составлял сводки, переписывал донесения агентов, подшивал в папки — и это было мучительно скучно. Но постепенно ему начали давать дела. Он вёл наблюдение за студенческими кружками, ездил на обыски, присутствовал при допросах. И в этих делах он впервые увидел тех, кого искал, — не убийц отца конкретно, но людей того же сорта: молодых, злых, фанатичных, с горящими глазами, которые шли на смерть так же спокойно, как другие идут на обед. Он смотрел на них и чувствовал не только ненависть, но и какое-то мучительное недоумение: неужели нельзя было иначе? Неужели нельзя было просто жить, любить, растить детей — вместо того чтобы взрывать и убивать?

Ответа у него не было. Но он продолжал служить.

Глава 3. Встреча на Бронной

И вот, приступив к службе, он однажды холодным зимним московским вечером возвращался к себе в съёмную квартиру на третьем этаже на Бронной улице — мимо жёлтых окон, мимо пахнущих щами подворотен, мимо редких прохожих, кутавшихся в шубы, — и, задумавшись о том, что происходит и что с этим делать, столкнулся с ней — с той, которая изменит его жизнь навсегда.

Он поднял глаза и увидел её. Её огромные голубые глаза — как два кусочка летнего неба, — белая, почти прозрачная кожа, пушистые длинные ресницы и пухлые губы, которые от неожиданности столкновения сжались в тонкую нитку — казалось, она хотела было ругнуться, но сдержалась, — а когда вернулись в исходное положение, стали ещё красивее, так как они налились румянцем и от этого стали ещё красней.

Он стоял как вкопанный, смотрел на неё и не мог пошевелиться: вся рабочая суета покинула его голову, оставив в ней только её образ — как будто кто-то выключил в комнате свет и зажёг одну-единственную свечу. Он обомлел и, даже не задумываясь об этикете, напрямую уставившись на неё, как на картину в галерее, спросил:

— Как вас зовут?

Она взглянула на него своими глубокими голубыми глазами, лёгкая кокетливая улыбка скользнула по её лицу — как солнечный зайчик по стене, — она сделала лёгкий реверанс и тихо произнесла:

— Марта.

— Марта, — повторил он на автомате и улыбнулся — глупо, счастливо, как мальчишка.

Марта происходила из потомственной семьи учителей: её родители оба преподавали в гимназиях — отец в мужской, а мать в женской. Жили небогато, но в полном достатке и ни в чём не нуждались — в доме всегда пахло книгами, крепким чаем и пирогами с капустой. Марта получила такое же образование, как её мать, и планировала устроиться в ту же самую гимназию. Детей она любила — по-настоящему, не напоказ — и в силу своей молодости страстно желала нести знания в рабочие массы, представляя их себе этакими благодарными дикарями, жаждущими света.

На момент их встречи ему было уже 26 лет, а ей 23 года. По тем меркам это были уже сформировавшиеся взрослые мужчина и женщина, и то, что оба они до сих пор не состояли в браке, говорило не в их пользу — как залежавшийся товар на витрине.

— Марта… — повторил он её имя с лёгким благоговением, как молитву. — Могу я вас сопроводить туда, куда вы следуете, исключительно для вашей безопасности, если, конечно, вы не против? — спросил он.

— Можете, — кокетливо ответила она, — но только при одном условии.

— Каком именно? — уточнил он.

— Вы должны мне представиться, так как я вам сказала своё имя, а вы мне своего имени нет.

Он немного покраснел от смущения — краска залила его острые скулы, — но совладал с ним и с лёгким поклоном, а точнее с кивком головы и щелчком каблуков друг об друга, сообщил так по-военному:

— Позвольте представиться: меня зовут Август Калюжный, к вашим услугам, мадам, — очень бойко ответил он.

Она негромко хихикнула над тем, как он это сделал, как гимназистка, — прикрыв рот рукой в серой вязаной перчатке, — и с лёгкой иронией в голосе выдала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.